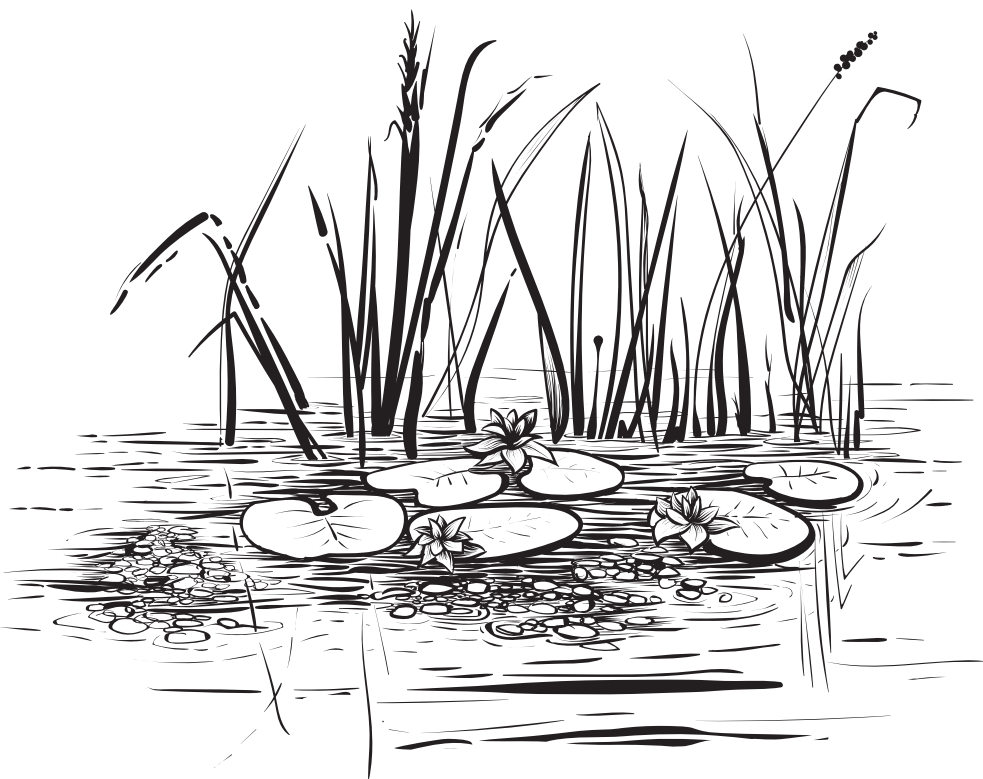

Читайте
в «Клубе полуночных историй»

Анна Штак
«ПРОКЛЯТИЕ УСАДЬБЫ ЛЕДИ ЭЛИЗАБЕТ»

Анна Штак, Андреас Грау
«ТЕНИ ШТАРНБЕРГСКОГО ОЗЕРА»

Анна Штак
Андреас Грау

ТЕНИ
ШТАРНБЕРГСКОГО
ОЗЕРА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш87

Редактор серии *Алина Литвинова*
Оформление серии *Радия Фахрутдинова*
Иллюстрация на переплете *Таисии Шарабьевой*

Штак, Анна.
Ш87 Тени Штарнбергского озера : роман / Анна Штак,
Андреас Грау. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-236138-8

Аспирантка Леа Тиль приезжает на конференцию в Баварию, не подозревая, что случайная встреча в поезде с обаятельным писателем Райнером Фастом станет началом опасной игры. Неожиданные знакомства, странные исчезновения и смерти постепенно выводят Леа к тайному ордену, чьи следы причудливо переплетаются с трагической гибелью ее матери и... древним договором с загадочным существом.

Между Штарнбергским озером и замком Нойшванштайн Леа предстоит распутать клубок интриг, понять, кому можно доверять, и столкнуться с силами, которые веками скрывались в тени — и не прощают тех, кто нарушает их покой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236138-8

© Штак А., Грау А., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Туман стелется низко. Осторожной гадюкой он ползет между стволами деревьев, вязкой паутиной ложится на влажную, как после дождя, землю, обволакивает ноги и кажется почти осязаемым.

Реальность мрачна. Она напоминает выцветший черно-белый рисунок из книги со страшными сказками. Остроконечные ели с ветвями, похожими на волчий оскал. Тонкие, словно прутья, осины. Непроходимая стена шипастого терна. Природа словно ощерилась — и готова вцепиться в горло нежеланному гостю.

Но неведомый зов, твердая иррациональная убежденность заставляют идти вперед, раздвигая ветви, больно хлещущие по лицу и рукам.

В глубине страшного леса едва слышно играет музыка. Она будто с трудом пробивается из-под толщи воды. Из иного времени.

Вагнер. «Полет валькирий».

Мелодию ни с чем невозможно спутать. Тревожная, нагнетающая, полная пугающего, сумасшедшего ликования. Тяжелые ноты звучат пронзительно и неотвратимо, как шаги приближающегося к эшафоту палача. Вибрации, идущие из-под земли, перекачиваются по воздуху и проникают под кожу.

Шаг.

Еще один.

Под ногами хлюпает вязкая жижа — не то болото, не то остатки пересыхающего ручья. Кажется, обувь безнадежно испорчена.

Леа идет вперед, хотя не помнит зачем. Она не чувствует ног, не ощущает времени. Девушка будто со стороны наблюдает, как ее безвольное тело движется сквозь туман — к озеру, что виднеется меж кустов терновника. Оно зовет. Его гипнотическая песня влечет, словно мелодия, срывающаяся с незатейливой дудочки-тростинки Крысолова.

Шаг.

Еще один.

Густой воздух пахнет прелыми листьями, мхом и гниющей тиной.

— Леа... — эхом звучит в голове.

Голос глухой. Мужской. Незнакомый. Отзвук фантомных воспоминаний.

— Леа... Как долго я ждал. Помогите мне, девочка...

Клубы тумана сгущаются и темнеют, как грозовые тучи, наливаясь алым цветом. Медленно вытягиваются вверх, будто решаясь обрести форму.

Как зачарованная, Леа смотрит на аморфное марево. Оно постепенно принимает очертания фигуры — высокой, в длинном темном плаще. Капюшон скрывает лицо. Но Леа знает — это мужчина. И именно он зовет ее по имени, завлекая все ближе к плещущим за кустами водам.

Она застывает. Не может крикнуть. Не может отвернуться. Слова висят в воздухе, как нить, связывающая прошлое и настоящее.

Боковым зрением в тумане Леа видит, точнее, ощущает, новое движение. Невесомый призрачный силуэт.

Девушка. Совсем молодая. Коротко остриженные темные волосы, торчащие в разные стороны, светлое развевающееся не то платье, не то плащ. Черты размыты. Девушка бежит, тревожно оглядываясь. Будто пугливая лань, гонимая охотничьим рожком. Терновник царапает ее кожу, цепляется за подол, но девушка не останавливается. Лишь у самой кромки воды она на короткий миг оборачивается, позволив рассмотреть свое лицо, — и исчезает.

— Мама! — хочет закричать Леа.

Но не может.

Леа нема. Будто ее голос забрала морская ведьма. Или то древнее зло, что колышется на дне озера, неторопливо поднимаясь на поверхность.

Тогда, двадцать лет назад, Леа и правда замолчала. Почти на год.

И снова — всплеск воды. Потом еще один. И тишина.

Леа рвется вперед, но ноги вросли в землю. Она лишь наблюдатель.

Мужчина в плаще стоит у самого берега. Над ним возвышается каменный крест. Поминальный.

И вдруг — движение за его спиной. Пятно света на воде.

Женская фигура в белом идет по поверхности. Тонкая. Бледная. Беззащитная.

Она смотрит на Леа — и медленно исчезает в зыбком отражении, поглощенная темными бурлящими водами и алым маревом.

— Время на исходе, — гремит над озером суровый приговор.

— Да... — шепчет мужчина у креста. — Времени не осталось, Леа. Костры Белтейна¹ скоро вспыхнут.

Запах донной гнили ударяет в ноздри. Тот самый. Запах смерти.

«Полет валькирий» гремит. Финальные аккорды рассекают туман и тишину, заполняя пространство торжественной безысходностью. Сравнимой с той, что испытывал Нерон, взирая на пепелище Рима.

Мгновение — и мир разломился. Скрежет металла, скрип тормозов, нарастающий гул толпы. В ушах сквозь эфирные помехи раздался суетливый голос машиниста:

— Мюнхен. Будьте внимательны, следующая станция — «Мюнхен».

---

¹ Кельтский праздник начала весны. *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

Глава 1

ЗНАКОМСТВО

Король Людвиг II Баварский, безусловно, остается самой загадочной фигурой в европейской истории второй половины XIX века. «Король-романтик», «последний рыцарь Европы» — эти эпитеты стали отражением глубокого конфликта между утонченной натурой Людвига и наступающим веком прагматизма.

Взойдя на престол в восемнадцать лет после внезапной кончины отца, Людвиг пытался воплотить в жизнь возвышенные идеалы рыцарства, веря, что искусство и честь важнее политических интриг. Под его покровительством Мюнхен стал подлинным центром немецкой культуры, а великий композитор Рихард Вагнер завершил создание своего знаменитого цикла опер «Кольцо нибелунга». Парадоксально, что именно этот утонченный монарх привел Баварию в состав Германской империи, поддержав Пруссию в решающий момент объединения земель.

Прискорбно, но в личной жизни Людвиг так и не обрел счастья. Его единственной любовью осталась принцесса София Шарлотта Баварская, впоследствии ставшая женой герцога Алансонского. Несмотря на расторжение помолвки, их с Людвигом духовная близость сохранялась годами.

Особое место в этом союзе занимала опера Вагнера «Лоэнгрин» — история о рыцаре Грааля, приходящем на

помощь героине. Эта легенда о чистоте, сомнениях и невозможности абсолютного доверия стала для Людвига и Софии символом отношений. В переписке они укрывались от реальности за именами персонажей: он был Генрихом Птицеловом, она — Эльзой. Образ рыцаря-спасителя, который вынужден уйти, если его тайна будет раскрыта, пророчески отразил их собственную печальную судьбу.

Главным наследием Людвига стали его замки — воплощенные в камне грезы. Современники клеймили короля как растратчика казны. Однако возведение замков дало мощный толчок развитию прогресса. В резиденциях внедрялись передовые технологии: сложнейшие системы водопровода, телефонная связь и отопление. В Линдерхофе в 1878 году заработала первая в Европе стационарная электростанция производства компании Siemens. Парадоксально, что проекты, едва не разорившие монарха, сегодня приносят Баварии колоссальный доход как мировые туристические центры.

Финал этой драмы оказался трагичен. Людвиг был объявлен невменяемым и отстранен от власти, а вскоре его тело нашли в водах Штарнбергского озера. До сих пор неясно: была ли эта смерть случайностью или результатом политического убийства, оборвавшего путь последнего романтика на троне. Также существует версия о вмешательстве мистического толка, но в настоящий момент она считается наименее вероятной.

*Из доклада Элизы Бауэр
на студенческой научной конференции*

Май 2018 года
Мюнхен, Бавария

— Притомилась, бедняжка, — прорвался сквозь сон тихий женский голос с нотками сочувствия.

— Молодежь сейчас много работает, — отозвался второй голос. — Совсем себя не жалеют. Мой внук в пять утра на работу выезжает.

Поезд мягко качнуло, и он начал замедляться, чуть дергаясь вперед, будто машинист был недостаточно опытен и не до конца освоил плавное торможение. Тело Леа Тиль непроизвольно откинулось назад, голова склонилась, но не к стеклу, а на чужое плечо. Сквозь сон она морщилась, но вырваться из дурманящих объятий Морфея никак не получалось. Слова женщин доносились как сквозь толщу воды или пуховую подушку. Состояние было настолько расслабленным, а тело — безвольным, что Леа ощущала себя тряпичной куклой, выскользнувшей из рук маленькой хозяйки прямо в лужу. Ватное туловище быстро впитало влагу и отяжелело, не в состоянии двинуться с места.

К тому же фрау¹ совершенно права: последние недели перед отъездом были сущим кошмаром. Закрытие бумажной работы на кафедре, подготовка материалов для вечерней школы, где Леа трудилась преподавателем и взяла отпуск незадолго до конца учебного года, кон-

---

¹ Немецкое уважительное обращение к женщине, означает «госпожа».

трольная рассылка студентам... Заключительное занятие она вела на автопилоте. А после еще и подготовка к научному симпозиуму в баварском Берге, куда ее, аспирантку университета Бохума, пригласили по большой удаче.

Поездка в Баварию тревожила Леа с того самого момента, как пришло официальное приглашение. Слишком много совпадений — таких, от которых ладони покрываются липкой испариной. Тот же симпозиум. Та же тема — «Трансформация монархии в Южной Германии во второй половине XIX века». То же место — альпийский городок Берг.

Почти два десятка лет назад мать Леа, Элиза Бауэр, так же тряслась в скоростном поезде, направляясь на юг в командировку. Из Берга женщина не вернулась. «Несчастный случай», — гласил полицейский отчет. Бредившая Людвигом II, Элиза погибла, как ее кумир, утонув в Штарнбергском озере. Следствие не подтвердило ни убийства, ни самоубийства.

Но все, кто знал Элизу лично, тихо шептались, что она намеренно повторила путь Людвига с педантичной точностью. Эти слова больно ранили Леа, но со временем она смирилась с мыслью, что ее мама была немного не в себе и добровольно последовала за своим кумиром, оставив дочь одну.

Рядом зашуршал пакет, послышалось шипение открывающейся бутылки с газировкой, с грохотом покатился по проходу дорожный чемодан. А потом над самым ухом раздался бархатный мужской голос. Уверенный. С легкой ленцой. Так говорят жители южных приморских городов:

— Милые фрау, прошу простить мою супругу, — вкрадчиво произнес незнакомец. — Она слегка переутомилась, оттого теперь так сладко сопит. Мы лишь вчера отгуляли свадьбу.

Щеки Леа залились краской. Что? Мужчина же невозмутимо продолжил:

— ...и едем сейчас в наш медовый месяц в Альпы. Ну, знаете, озера, лебеди, замки, и ни души на несколько миль. Лишь девственная природа и двое влюбленных наедине со своей страстью...

Чего?! Сон сняло как рукой. Глаза Леа широко распахнулись, гневно сверкнув и намекая на крайнюю степень возмущения. Впервые в жизни спокойная и уравновешенная Леа Тиль, голос разума в любой компании, была готова наброситься с кулаками на постороннего человека. Впрочем, не так. На наглого лгуна, заливающегося соловьем.

Секунду поразмыслив, Леа испугалась. Угрозило же столкнуться с психически нездоровым человеком. А вдруг он маньяк? Говорят, сейчас их немало развелось. Весна, конечно, уже далеко не ранняя, но периоды обострения, они такие... Порой внезапные.

Леа резко выпрямилась и посмотрела на «мужа» испепеляющим взглядом Кларка Кента.

Молодой человек ничуть не смутился. Он прищурился и с улыбкой кивнул на свое плечо, где еще несколько мгновений назад покоилась голова Леа, — будто предлагая продолжить сон.

Стыд-то какой. Она даже не заметила. Наблюдая, как на лице попутчицы проступает осознание, молодой человек заговорщически подмигнул.

На маньяка из вечерних детективов на RTL¹ попутчик не походил. Скорее на приятного мужчину моложе тридцати. Растрепанные темные, чуть выющиеся волосы с тонкой паутинкой ранней проседи, таящие насмешку зеленые глаза за изящной оправой очков, аккуратная щегольская бородка — будто еще вчера играл на сцене Арамиса².

Но и в эстетику конца девятнадцатого века он тоже вписался бы без труда. Стоило лишь сменить джинсы и кроссовки на классические брюки и туфли. Светлую футболку и легкий летний пиджак можно было оставить.

Заметив, с какой внимательностью его разглядывают, мужчина улыбнулся шире. В глазах заплясали озорные искорки.

— Прошу прощения, — тоном строгой учительницы отчеканила Леа. За год преподавания он выработался до автоматизма. — Я действительно очень устала. Вам следовало меня разбудить.

— Что вы, милая Золушка, вам не за что извиняться. — Мужчина театрально приложил ладонь к сердцу. — Всем известно, что перед балом принцесса должна как следует отдохнуть. Мое плечо всегда к вашим услугам.

Он сощурился, явно ожидая продолжения непринужденного флирта. Наглец! Леа недовольно поджа-

---

¹ Немецкий общенациональный телеканал.

² А р а м и с — один из трех мушкетеров в одноименном романе Александра Дюма; утонченный, скрытный и честолюбивый, он разрывается между военной службой и духовной карьерой, сочетая изящество манер с холодным расчетом и политической хитростью. — *Прим. ред.*

ла губы. Из всех разновидностей навязчивых мужчин именно такие обаятельные болтуны вызывали у нее наименьшую симпатию.

— Спасибо, обойдусь, — сухо отрезала она. — А то ваша бурная фантазия не только поженит нас, но и сделает многодетными родителями. К такому ответственному шагу я пока не готова.

— Пока? Значит, шансы есть? — Собеседник запрокинул голову и расхохотался. — Простите, не удержался. Вы так сладко спали, а эти милые фрау так искренне за вас переживали, что мне пришлось сочинить легенду.

— Сочинить? — Леа раздраженно приподняла бровь. Может, он не так уж безнадежен, раз признает нездоровую склонность к сочинительству?

— Именно, — радостно просиял незнакомец. — Это то, что я умею лучше всего. Я писатель. Часто путешествую, наблюдаю за людьми и придумываю сюжеты. В этот раз история вышла простой, зато я смог побыть не только автором, но и героем. Да и публика, как мне кажется, осталась в восторге. Правда, дорогие фрау? — «Сказочник» подмигнул старушкам. — Я ведь мог сказать, что вы — известная пианистка. Но, согласитесь, *медовый месяц в Альпах* звучит куда поэтичнее.

— О да, — обреченно прошептала Леа, окончательно решив, что перед ней городской сумасшедший. — Ужасно романтично. Как начало романа Агаты Кристи. Я, конечно, не знаток, но могу предположить, чье убийство будет расследовать детектив.

Леа многозначительно усмехнулась. Она уже не спала, но и не проснулась до конца. Мысли текли мед-